

УМНОЖЕНИЕ СУЩНОСТЕЙ:
ОБРАЩЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РФ К МЕЖДУНАРОДНОЙ
(ЗАРУБЕЖНОЙ) СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ

ПАВЕЛ ДМИТРИЕВИЧ БЛОХИН

кандидат юридических наук, доцент юридического факультета
НИУ «Высшая школа экономики» (г. Санкт-Петербург)

kafgpossp@mail.ru

<https://doi.org/10.30729/2414-0015-2021-7-3-6-13>

В статье анализируются вопросы обращения Конституционного Суда РФ к практике международных (иностраных) судебных учреждений, в частности Европейского суда по правам человека. Автором рассматриваются различные аспекты и правовые основания обращения КС РФ к иностранной (наднациональной) судебной практике, а также освещается ряд проблем восприятия им зарубежного опыта. Автор отмечает, что акты ЕСПЧ, как и акты судов иных государств и их интеграционных образований, не рассматриваются в качестве имеющих для КС РФ обязательное значение правовых источников, между тем такого рода судебная практика используется им при толковании российского Основного закона в числе иных аргументов, что положительно влияет на обоснованность его выводов.

Ключевые слова: Конституционный Суд РФ; иностранная судебная практика; Европейский суд по правам человека.

MULTIPLICATION OF ESSENCES:
APPEAL OF THE CONSTITUTIONAL COURT
OF THE RUSSIAN FEDERATION TO THE INTERNATIONAL (FOREIGN)
JUDICIAL PRACTICE

PAVEL D. BLOKHIN

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Law Faculty, National
Research University Higher School of Economics (St. Petersburg)

The article analyzes the issues of the appeal of the Constitutional Court of the Russian Federation to the practice of international (foreign) judicial institutions, in particular the European Court of Human Rights. The author examines various aspects and legal grounds for the appeal of the Constitutional Court of the Russian Federation to foreign (supranational) judicial practice, and also highlights a number of problems of its perception of foreign experience. The author notes that the acts of the European Court of Human Rights, as well as the acts of the courts of other states and their integration formations, are not considered as obligatory legal sources for the Constitutional Court of the Russian Federation; meanwhile, this kind of judicial practice is used by him when interpreting the Russian Basic Law, among other arguments, that positively influences the validity of its conclusions.

Keywords: *Constitutional Court of the Russian Federation; foreign judicial practice; European Court of Human Rights.*

Научная дискуссия о возможности и целесообразности обращения судов конституционной (эквивалентной) юрисдикции к практике международных (иностраных) судебных учреждений ведется не первое десятилетие. Так, известный американский ученый и судья (ныне в отставке) Ричард Познер в статье с говорящим названием¹ сформулировал ряд проблем, возникающих в связи с цитированием Верховным судом (далее также – ВС) США такого рода источников. Во-первых, современные правовые порядки «чрезвычайно разнообразны», а иноязычные судебные решения часто «недоступны» судьям и их клеркам; это неизбежно ведет к избирательному использованию таких решений. Во-вторых, цитирование иностранных прецедентов означает, по его мнению, «заигрывание с дискредитировавшей себя идеей универсальности естественного права»; например, немецкий подход к абортам является реакцией на юриспруденцию Веймарской республики и нацистской Германии. В-третьих, дилемма недостатка демократической легитимации решается в США выборным характером судов штатов и участием выборных органов (Президента и Сената) в назначении федеральных судей; многие иностранные судьи этой легитимности лишены. В-четвертых, цитирование таких источников может привести лишь к «дальнейшей мистификации процесса судопроизводства»; судья обычно принимает решение, а затем стремится подвести убедительную аргументационную базу под него.

*Следует, впрочем, отметить, что Познер четко разделяет «информационное и прецедентное цитирование»: все высказанные им опасения адресованы судебной практике как источнику права (*authority*), но не как источнику информации, которым может быть и научная доктрина, и художественный текст. Информационная (аргументативная) функция таких судебных решений, в общем-то, разделяется многими учеными: так, другой автор приводит ряд конкретных примеров из практики ВС США, когда им были восприняты (или, напротив, явно отвергнуты) подхо-*

¹ *Posner R.A. No Thanks, We Already Have Our Own Laws: The Court Should Never View a Foreign Legal Decision as a Precedent in Any Way // Legal Affairs. 2004. No. 7-8.*

ды зарубежных юрисдикций¹. Также можно отметить, что отмеченные Познером угрозы проистекают не из самого факта восприятия зарубежного опыта, а скорее из возможности некорректного обращения с ним. Однако же никто не застрахован и от некорректного толкования и применения национального права.

Нормативные основания для обращения российского Конституционного Суда (далее также – КС) к иностранной (наднациональной) судебной практике состоят в положениях Конституции РФ и Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. № 1 «О Конституционном Суде Российской Федерации». В конституционном судопроизводстве средствами доказывания являются письменные документы, объяснения сторон, заключения экспертов и специалистов, свидетельские показания. При этом, например, если объяснения сторон могут содержать «правовые аргументы», то показания свидетеля касаются лишь фактических обстоятельств, при том «известных ему лично» (ст. 62 и 64 указанного Закона). Высокий суд при изложении своего решения обязан привести доводы в пользу этого решения, «а при необходимости также доводы, опровергающие утверждения сторон» (п. 9 ч. 1 ст. 75 упомянутого Закона). Таким образом, я исхожу из того, что правовые позиции Европейского суда по правам человека (далее – ЕСПЧ) или, скажем, Федерального конституционного суда ФРГ являются доводами (аргументами), которые – в отличие от доводов, касающихся норм российского права², – судьи могут черпать из отдельных видов доказательств.

Далее, Конституционный Суд РФ проверяет оспариваемые нормы лишь с точки зрения их соответствия Конституции РФ (ст. 86 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»), что и фиксируется им в резолютивной части решения. Это означает – строго формально, – что практика зарубежных и даже международных институций не является тем источником, которым поверяется валидность оспариваемого регулирования. В то же время совершенно очевидно, что поскольку источники международного права провозглашены составной частью российской правовой системы (ч. 4 ст. 15 Конституции РФ), гарантируются не только поименованные в Конституции, но и иные общепризнанные права личности (ч. 1 ст. 55), а любое лицо может, исчерпав национальные средства правовой защиты, обратиться к международным судебным органам (ч. 3 ст. 46), игнорирование таких источников было бы по меньшей мере непредусмотрительным. Сказанное касается как постановлений ЕСПЧ по делам с участием России, так и решений и постановлений по делам с участием иных государств, которые Вер-

---

¹ *Jackson V. Yes Please, I'd Love to Talk with You* // Legal Affairs. 2004. No. 7-8. Следует отметить одно принципиальное различие между подходами двух авторов. Если В. Джексон ставит в один ряд иностранные судебные решения с решениями, например, судов штатов, то Р. Познер признает за последними силу убеждающего прецедента (*persuasive authority*); практике иностранных юрисдикций он не отводит даже такой скромной роли.

² Эта оговорка не случайна: предполагается, что содержание российского права не является информацией, недоступной непосредственному (не обличенному в форму доказательств) восприятию судьи. Это наглядно подтверждает положение о том, что заключение эксперта не может «относиться к сфере российского права» (ч. 1 ст. 63 упомянутого Закона). Иные средства доказывания, например письменные документы, конечно, могут содержать и содержат толкование права, однако это не означает, что Суд знакомится с ним через такие документы.

ховный Суд РФ справедливо предлагает судам учитывать в аналогичных обстоятельствах дела¹.

Интенсивность ссылок Конституционного Суда РФ на акты ЕСПЧ становилась предметом внимания отечественных исследователей, которые – надо полагать, правомерно – констатируют тенденцию к уменьшению числа таких ссылок примерно с 2013 г.² Вместе с тем я убежден, что такие статистические данные не могут дать реальной картины того, в какой степени практика конвенционного органа оказывает реальное воздействие на принимаемые органом конституционного контроля решения. Тому есть несколько причин, каждую из которых следует далее раскрыть отдельно. Во-первых, в решении КС РФ может отсутствовать ссылка на акт международного (иностранного) суда, однако быть содержательно воспринята позиция, сформулированная последним в конкретном деле или ставшая общим местом в его практике. Во-вторых, ссылка на практику иных юрисдикций может присутствовать, однако не оказывать самостоятельного влияния на систему аргументации, иными словами, иметь избыточный или просто декоративный характер. В-третьих, ссылка может иметь некорректный характер, если: а) сделанные выводы и положенные в их основание правовые позиции искажены в сравнении с их аутентичным значением; б) цитируется отмененное вышестоящей инстанцией или фактически не действующее решение; в) избирательно цитируются решения в пользу одного подхода и игнорируются решения в пользу подхода противоположного; г) обстоятельства рассматриваемого «судом-реципиентом» дела существенно отличаются от обстоятельств дела, рассмотренного «судом-донором» (нерелевантность ссылки). Следует отметить, что эти проблемы, хорошо известные западным ученым, например декоративное цитирование, не ускользнули от внимания и российских исследователей³.

Кроме того, можно легко представить себе ситуацию, когда в один период российским судом принимается больше решений по налоговым или пенсионным вопросам (доля которых в практике ЕСПЧ весьма незначительна), а в другой период – по проблемам уголовного процесса (которые, напротив, весьма всесторонне изучены). Можно учесть и ситуацию, когда новое постановление или определение КС РФ лишь мультиплицирует сделанные им в более ранних решениях выводы, которые в свою очередь опирались на практику международных или иностранных институций. Поэтому правильнее вести речь не о цитировании иностранных

¹ Пункт 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней». Что касается постановлений ЕСПЧ по делам с участием России, требующих принятия мер общего характера, то КС РФ своими решениями может способствовать их исполнению, если они не вторгаются в границы национальной конституционной идентичности; в таком качестве они, видимо, приобретают обязательное значение и для самого Суда.

² См., напр., статистические данные, которые приводит О.Н. Кряжкова: *Кряжкова О.Н.* Ссылки на акты ЕСПЧ в решениях российского Конституционного Суда: количественный анализ // https://zakon.ru/blog/2021/6/1/ssylki_na_aktu_espch_v_resheniyah_rossijskogo_konstitucionnogo_suda_kolichestvennyj_analiz?fbclid=IwAR3PGWNJg7_Oug7zbSF5Gjf5jBoToP-qv3nkYBWKzlu0nPRyhiphucZJujQ.

³ *Троицкая А.А., Храмова Т.М.* Использование органами конституционного контроля зарубежного опыта // Государство и право. 2016. № 8. С. 5–22.

решений (ссылках на них), а об обращении к иностранному опыту (его восприятию). Далее я предлагаю рассмотреть некоторые из перечисленных выше проблем на примере отрасли информационного права.

Содержательное цитирование, когда цитируемое решение непосредственно влияет на выводы цитирующего решения, представляет собой, на мой взгляд, оптимальный вариант диалога между судами различных юрисдикций. Совсем свежим примером такого диалога является Постановление КС РФ по жалобе ООО «Медрейтинг», в котором Суд был вынужден ввести новую для отечественной юриспруденции правовую категорию «информационный посредник» – владелец интернет-сайта (в том числе СМИ), который предоставляет цифровое пространство (например, форум) для публикации пользователями отзывов (оценок) в адрес лица публичной профессии¹. Поднятая заявителем проблема не охватывалась в полной мере ранее вынесенным Постановлением по делу Крылова², которое, во-первых, не касалось СМИ (а именно сетевых изданий), а во-вторых, затрагивало лишь недостоверные сведения, порочащие честь и достоинство (ст. 152 ГК РФ).

В связи с этим Конституционный Суд РФ заимствовал подход, выработанный ЕСПЧ в серии дел и основанный в свою очередь на целом ряде актов Совета Европы и Европейского союза, а именно, ссылаясь на прецедентное Постановление по делу «Делфи против Эстонии»³ и иные, Суд предусмотрел два правовых режима деятельности таких информационных посредников: премодерации и постмодерации. Первый режим действует в отношении комментариев, очевидно запрещенных нормами публичного права (полагаю, это не только оскорбления, но и возбуждение ненависти либо вражды, подстрекательство к насильственным действиям и т.п.), которые вовсе не должны размещаться на интернет-сайте. Второй режим затрагивает комментарии, которые предположительно содержат не соответствующие действительности утверждения, порочащие честь, достоинство или деловую репутацию (а также, возможно, сведения о частной жизни лица), и которые должны проверяться в разумные сроки в случае поступления от заинтересованного лица соответствующего обращения. В обоих случаях при возникновении спора этот вопрос должен окончательно разрешаться судом.

Молчаливое восприятие зарубежного (международного) опыта без указания ссылки на него достаточно трудно идентифицировать: может случиться, что двое судей в двух разных правовых системах в разное время пришли к одинаковому решению совершенно независимо друг от друга. Ситуация упрощается, если речь идет о недавно заимствованном правовом институте, практика применения которого национальным судом еще отсутствует. По моему предположению, так и обстояло дело с «правом на забвение», которое, хотя и является частным случаем права на уважение частной жизни (ч. 1 ст. 23 Конституции РФ), представляет собой достаточно специфический правовой механизм – удаление оператором поиско-

---

¹ См. постановление Конституционного Суда РФ от 25 мая 2021 г. № 22-П.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 18-П.

³ Постановление ЕСПЧ от 16 июня 2015 г. по делу «Компания «Делфи АС» (*Delfi AS*) против Эстонии».

вого сервиса из результатов поиска ссылок на интернет-сайты, содержащие недостоверную, неактуальную и некоторую иную информации о лице. В первом своем определении по этому вопросу в связи с жалобой К. Суд справедливо отметил: Конституция РФ «хотя, как правило, и предполагает признание их [права на забвение, права на защиту персональных данных] приоритета по отношению к коррелирующим им правам, вместе с тем не исключает, что в некоторых случаях при определенных обстоятельствах, особенно если речь идет об информации, которая не относится к сфере частной жизни лица в ее узком понимании, данные права могут быть ограничены путем обеспечения доступа общественности...»¹.

Указанная правовая позиция не буквально, но содержательно воспроизводит позицию Суда ЕС, высказанную им четырьмя годами ранее в широко известном деле: «право на приватность обычно превосходит не только экономические интересы оператора поискового ресурса, но также интересы широкой публики в поиске такой информации посредством указания имени субъекта данных. Впрочем, это может быть не так, если, по определенным причинам, таким как роль, которую играет субъект данных в жизни общества, вмешательство в фундаментальные права оправдано преобладающим публичным интересом в доступе к спорной информации путем включения ее в список результатов поиска»². Хотя я не вижу препятствий к прямому упоминанию актов Суда ЕС, скрытое обращение к праву регионального интеграционного образования также не составляет проблемы: как известно, нормативные акты и судебные решения обычно не защищаются авторским правом (п. 1 ч. 6 ст. 1259 ГК РФ).

Некорректные ссылки могут приобретать различные формы, о чем уже было сказано выше, однако установить такую некорректность можно лишь путем тщательного изучения цитируемого решения и его места в решении цитирующем. На проверку оказывается, что любые неточности или недосказанности при таких ссылках обычно не оказывают влияния на судьбу спора. Так, в деле гражданина Сушкова КС РФ пришел к закономерному выводу о том, что лицо, являющееся провайдером электронной почты, не может наделяться правами обладателя информации, передаваемой абонентами посредством *e-mail*; тем не менее не исключена возможность работодателя контролировать переписку работника, осуществляемую им посредством служебного оборудования³. В поддержку последнего тезиса Суд сослался на два постановления ЕСПЧ: по делу «Коплэнд против Соединенного Королевства» и по делу «Бэрбулеску против Румынии». Этот факт вызвал обостренную реакцию некоторых юристов, а журналисты уличили КС РФ в «тихой революции»⁴, поскольку, якобы, в обоих постановлениях ЕСПЧ содержалась противоположная позиция (в пользу работника), причем второе из них было вовсе отменено Большой палатой.

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 26 ноября 2018 г. № 3087-О.

² Постановление ЕСПЧ от 13 мая 2014 г. по делу «Google Spain SL, Google Inc. против Agencia Española de Protección de Datos (AEPD) и Марио Костеха Гонсалеса». § 97.

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 26 октября 2017 г. № 25-П.

⁴ Пушкарская А. Конституционный суд притворился Европейским // <https://www.kommersant.ru/doc/3512206>.

Можно рассуждать об избыточности данных ссылок в обстоятельствах конкретного дела, однако не об их ошибочности. В обоих актах ЕСПЧ прямо указал, что мониторинг работодателем телефонных и интернет-соединений сотрудника с его рабочего места может быть оправданным и необходимым в демократическом обществе. Нарушение же прав заявителя в деле Коплэнд¹ было обусловлено тем, что вмешательство не было предусмотрено ни законом, ни локальными актами (п. 48); в деле Бэрбулеску² Большая палата сочла, что суды не установили справедливый баланс интересов с учетом имевшихся фактических обстоятельств (п. 141). В дополнение к сказанному в обоих делах речь шла о контроле личных переговоров, осуществляемых из рабочего офиса, а в деле Сушкова – исключительно о переписке заведомо служебного характера, которая вообще едва ли защищается правом на уважение частной жизни. Таким образом, внимательное ознакомление читателя с мотивировочной частью данных постановлений не позволило бы увидеть ничего революционного в приведенных ссылках.

Основные выводы

Акты Европейского суда по правам человека (особенно принятые по делам с участием иных государств постановления, а также решения), как и акты судов иных государств и их интеграционных образований, не рассматриваются в качестве имеющих для КС РФ обязательное значение правовых источников. Между тем, с учетом положений Конституции РФ и Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», такого рода судебная практика используется им при толковании российского Основного закона в числе иных аргументов, что положительно влияет на обоснованность его выводов. Простой подсчет количества ссылок на акты иных юрисдикций не позволяет оценить действительную степень их влияния на отечественное право, поскольку такие ссылки могут, к примеру, формально отсутствовать либо, напротив, иметь декоративный характер. Обращение к такой отрасли, как информационное право, демонстрирует, что едва ли не каждое значительное решение КС РФ в большой степени основывается на европейских правовых стандартах (а не просто упоминает их). Сказанное связано как с тем, что для России это сравнительно новая отрасль права, так и с тем, что «с ростом интеграции информационных систем роль международного регулирования сферы Интернета увеличивается»³. Приведенные примеры не позволяют утверждать, что конституционное правосудие сегодня изолировано от воздействия международного и иностранного права; доктрина конституционной идентичности, вопреки некоторым прогнозам, вовсе не рассчитана на повседневное применение⁴.

---

¹ Постановление ЕСПЧ от 3 апреля 2007 г. по делу «Копланд (*Copland*) против Соединенного Королевства».

² Постановление ЕСПЧ от 5 сентября 2017 г. по делу «Бэрбулеску (*Barbulescu*) против Румынии».

³ Дашян М.С. Право информационных магистралей (Law of information highways): вопросы правового регулирования в сфере Интернет. М.: Волтерс Клувер, 2007.

⁴ См., напр.: Блохин П.Д. Судебная доктрина конституционной идентичности: генезис, проблемы, перспективы // Сравнительное конституционное обозрение. 2018. № 6. С. 62–81.

Список литературы

- Блохин П.Д.* Судебная доктрина конституционной идентичности: генезис, проблемы, перспективы // Сравнительное конституционное обозрение. 2018. № 6.
- Дашян М.С.* Право информационных магистралей (Law of information highways): вопросы правового регулирования в сфере Интернет. М.: Волтерс Клувер, 2007.
- Кряжкова О.Н.* Ссылки на акты ЕСПЧ в решениях российского Конституционного Суда: количественный анализ // https://zakon.ru/blog/2021/6/1/ssylki_na_akty_espch_v_resheniyah_rossijskogo_konstitucionnogo_suda_kolichestvennyj_analiz?fbclid=IwAR3PGWNJg7_Oug7zbSF5Gjf5jBoToP-qv3nkYBwKzlu0nPRyhiphucZJujQ.
- Пушкарская А.* Конституционный суд притворился Европейским // <https://www.kommersant.ru/doc/3512206>.
- Троицкая А.А., Храмова Т.М.* Использование органами конституционного контроля зарубежного опыта // Государство и право. 2016. № 8.
- Jackson V.* Yes Please, I'd Love to Talk with You // *Legal Affairs*. 2004. No. 7-8.
- Posner R.A.* No Thanks, We Already Have Our Own Laws: The Court Should Never View a Foreign Legal Decision as a Precedent in Any Way // *Legal Affairs*. 2004. No. 7-8.

References

- Blokhin P.D.* Judicial Doctrine of Constitutional Identity: Genesis, Problems, Prospects. *Comparative Constitutional Review*. 2018. No. 6.
- Dashian M.S.* Law of Information Highways: Issues of Legal Regulation in the Field of the Internet. Moscow: Walters Kluwer, 2007.
- Jackson V.* Yes Please, I'd Love to Talk with You. *Legal Affairs*. 2004. No. 7-8.
- Kriazhkova O.N.* References to the ECtHR Acts in the Decisions of the Russian Constitutional Court: Quantitative Analysis. URL: https://zakon.ru/blog/2021/6/1/ssylki_na_akty_espch_v_resheniyah_rossijskogo_konstitucionnogo_suda_kolichestvennyj_analiz?fbclid=G5GwARg5.
- Posner R.A.* No Thanks, We Already Have Our Own Laws: The Court Should Never View a Foreign Legal Decision as a Precedent in Any Way. *Legal Affairs*. 2004. No. 7-8.
- Pushkarskaia A.* The Constitutional Court Pretended to be European. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3512206>.
- Troitskaia A.A., Khramova T.M.* Use of Foreign Experience by the Bodies of Constitutional Control. *State and Law*. 2016. No. 8.